

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ / ANTHROPOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-15>

УДК/UDC 03.61.21

Смертность в закрытых женских институтах Российской империи. Петербург: первая половина XIX века

В.В. Пономарева ✉

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

✉ varvarapon@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Введение. Предметом исследования является уровень и причины смертности институток в столичных закрытых женских институтах Российской империи первой половины XIX в. Эта тема до сих пор не являлась предметом специального изучения в историографии.

Материалы и методы. Основным источником для работы послужили данные метрических книг, впервые с этой целью вводимые в научный оборот. Обработанные данные анализируются с применением принципов историзма и объективности.

Результаты и обсуждение. В метрических книгах фиксировались случаи смерти воспитанниц институтов. При этом в начале XIX в. причины смерти не указывались, и лишь позднее, с 1810-х гг. священник записывал название болезни, повлекшей смерть. В редчайших случаях в метрических книгах появлялись ссылки на диагнозы, поставленные врачом института. Выбранный хронологический отрезок объясняется тем, что только с 1860-х гг. было разрешено отпускать воспитанниц за стены института на каникулы, а затем на праздники и даже выходные дни, и потому регистрация смертей в метрических книгах институтских церквей становится все менее полной.

Заключение. Детская смертность в Российской империи неизменно оставалась чрезвычайно высокой. При учреждении первого из институтов, Смольного, уже с 60-х гг. XVIII в. бытовая повседневность основывалась на соблюдении строжайших правил санитарии и гигиены, обеспечения постоянного медицинского надзора, организации правильных карантинных случаев эпидемий. Материалы метрических книг позволяют произвести сравнительно точные подсчеты количества смертей воспитанниц институтов, проанализировать количественные данные о болезнях, приведших к смерти, с учетом того, что диагностика в первой половине XIX в. не отличалась достаточной точностью. Наиболее частой причиной смертности подростков в женских институтах являлась чахотка. Примечательно, что в целом число смертей в результате эпидемического процесса в институтах было незначительным.

Ключевые слова: историческая антропология; Марининское ведомство; Смольный институт; Екатерининский институт; институтка; смертность; диагностика

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова.

Для цитирования: Пономарева В.В. Смертность в закрытых женских институтах Российской империи. Петербург: первая половина XIX века // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 3. С. 197–208. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-15>

Mortality in closed girls' boarding schools of the Russian Empire. St. Petersburg: first half of the 19th century

Varvara V. Ponomareva ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ varvarapon@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. The subject of this study is the mortality rate and causes of female students in closed girls' boarding schools in the capital cities of the Russian Empire in the first half of the 19th century. This topic has not previously been the subject of specialized historiography.

Materials and methods. The primary source for this study was data from parish registers, introduced into scientific circulation for the first time for this purpose.

Results and discussion. The registers recorded deaths of female students at the girls' boarding schools. At the beginning of the 19th century, causes of death were not specified, and only later, beginning in the 1810s, did the priest record the illness that caused death. In very rare cases, the registers included references to diagnoses made by the institute physician. The chosen chronological period is explained by the fact that only beginning in the 1860s were female students permitted to leave their schools for vacations, and later for holidays and even weekends, meaning that the registration of deaths in the registers of the institute churches became increasingly incomplete. The processed data is analyzed using the principles of historicism and objectivity.

Conclusion. Infant mortality in the Russian Empire remained consistently high. Even as early as the 1760s, when the first of the institutes, Smolny, was established, everyday life was based on the strictest rules of sanitation and hygiene, constant medical supervision, and the organization of proper quarantines in the event of epidemics. Records from the registers of births allow for relatively accurate calculations of the number of deaths among female students at the institutes and an analysis of quantitative data on the diseases that led to death, given the inaccuracy of diagnostics in the first half of the 19th century. The most common cause of death among adolescents at closed girls' boarding schools was tuberculosis. It is noteworthy that, overall, the number of deaths due to epidemics at this colleges was insignificant.

Keywords: historical anthropology; Department of Empress Maria establishments; Smolnyi Institute; Catherine Institute; college girl; mortality; diagnostics

Acknowledgements. The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

For citation: Ponomareva V.V. Mortality in closed girls' boarding schools of the Russian Empire. St. Petersburg: first half of the 19th century. *Lomonosov Journal of Anthropology*. 2026 (3), pp. 197-208. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-15>

*Представленный материал не является
исчерпывающим, но это не вселяет уныния.*

И.В. Перевозчиков
(Научный архив НИИ и
Музея антропологии МГУ)

Введение

Закрытые женские институты Российской империи заложили основу системы женского образования в стране. Институты представляли собой интернаты, где в одних стенах находилось значительное число детей разного возраста и разных сословий. Численность столичных институток была самой значительной, поскольку сюда поступали на воспитание девочки из самых отдаленных краев империи. Содержание большого числа детей в интернате требовало особых подходов, которые вырабатывались и внедрялись в жизнь на протяжении долгого времени. При этом женские институты, находившиеся под непосредственным покровительством императорской фамилии, располагали большими, чем другие учебные заведения, возможностями для создания здоровых бытовых условий своим воспитанницам.

При оценке уровня предоставляемой в институтах медицинской помощи нельзя не учитывать как общий уровень медицинской науки, так и практическую постановку лечебной практики того времени. Историки науки довольно категоричны в своих оценках: «Лечебные мероприятия... были либо малоэффективны, либо приносили больным больше вреда, чем пользы», а «львиная доля применявшихся» до первой половины XIX в. лекарств «не содержала каких-либо активно действующих начал и в лучшем случае могла оказывать лишь психотерапевтическое воздействие». И только в 60-х гг. XIX в. врачебное сообщество приняло новый взгляд на сущность болезней, разработанный Р. Вирховым, когда с середины века возникали новые разделы диагностики – функциональная и лабораторная (Сточик, Затравкин, 2012, с. 100). Выдающийся врач Й. Дитль (1804–1878), практиковавший в XIX в., писал: «До сих пор наша наука о лечении представляла собой не что иное, как собрание сказок и традиций, унаследованных от старых времен и не стоящих решительно ни в

какой связи с принципами науки» (Степин с соавт., 2020, с. 199). В первой половине XIX в. шла непрерывная работа множества медиков, естествоиспытателей, велись лабораторные исследования, отработка методов диагностики и лечения, что давало свои результаты уже позже.

Задачей данной работы является установление уровня смертности на примере пяти петербургских институтов: Воспитательного общества благородных девиц, Александровского, Екатерининского, Павловского и Мариинского институтов, а также определение частотности причин, вызвавших смерть.

Материалы и методы

Основным источником работы являются метрические книги приходских церквей женских институтов Петербурга, впервые вводимые в научный оборот и изученные с применением принципов историзма и объективности. Метрические книги Российской империи – это хронологические записи, в которых священники, начиная с 1722 г., фиксировали крещение рожденных и новообращенных, заключение браков и отпевание умерших всех сословий. До 1860-х гг. воспитанницы за редкими исключениями вовсе не покидали стен институтов, и поэтому число смертей институток представляется возможным подсчитать более точно. Нами были изучены материалы метрических книг обеих половин Смольного института – Воспитательного общества благородных девиц и Александровского (до 1848 г. Мещанского) училища, училища ордена св. Екатерины (Екатерининский институт), Павловского и Мариинского институтов: ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 111, дела № 158, 163, 168, 172, 175, 178, 179, 183, 185, 188, 192, 196, 199, 200Б, 203, 204, 207, 208, 211, 213–215, 218, 219, 223, 228, 232, 233, 237, 238, 241, 247–249, 254, 255, 262, 268, 269, 271, 278, 279Б, 280, 285, 288, 295, 301, 303А, 303Б, 311, 316, 318–3, 324, 329, 337, 338–8, 342, 345; опись № 122, дела № 68, 81; опись № 124, дела № 653, 654, 663, 666, 670, 675, 678, 683, 686, 695, 686, 699, 701, 710, 711, 725, 728, 730, 737, 740, 748, 749, 753. Эти книги содержат конкретные данные о смертях воспитанниц институтов разной степени полноты. Систематическая фиксация не только самих смертей, но и их причин в метрических книгах начинается примерно с 1810 г., который и выберем точкой отсчета, верхняя граница – 1855 г., когда со смертью

императора Николая I в Российской империи начинается новый период истории, что отразилось и на женских институтах. В частности, в 60-е гг. XIX в. вводились регулярные отпуска воспитанниц, и случаи смертей происходили уже не только в стенах институтов. В данной статье рассмотрены метрические книги православных приходов институтов. Для более представительной картины необходимо в дальнейшем рассмотреть также данные других христианских конфессий, поскольку в этот период в институтах учились, помимо православных, лютеранки и католички. Правильное ведение метрических книг у католиков начинается в 1826 г., у евангелических исповеданий – в 1832 г. (Миронов, 2007, с. 45).

Метрические книги как источник для изучения уровня смертности в России привлекались уже со второй половины XIX в. (Бессер, Баллод, 1897; Никитенко, 1901). В последнее время этот источник стал особенно активно использоваться исследователями. В специальной литературе точность учета в метрических книгах оценивается как вполне репрезентативная (Антонов, Антонова, 2006, с. 78; Миронов, 2007, с. 46). В то же время отмечается, что наименования регистрируемых священниками причин смерти зависели и от их собственной осведомленности, и от уровня медицинских знаний того времени. Поскольку медиков было чрезвычайно мало, медицина на недолгий срок была введена в семинарский курс с конца XVIII в., но затем учебную программу ограничили изучением способа прививки оспы, и медицинские знания священников оставались скромными (Знаменский, 1881, с. 782–784). Тем не менее, симптомы таких распространенных заболеваний, как чихотка, холера, корь, оспа и др. были «вполне известны» (Антонов, Антонова, 2006, с. 84), хотя многие заболевания описывались не вполне четкими терминами, такими, как «лихорадка», «горячка», «золотуха», «от нарыва», «колотьем», когда смешивались симптомы, свойственные различным болезням.

В связи с этим при систематизации данных метрических книг исследователи по-разному группируют болезни, повлекшие смерть. Так, рассматривая комплекс записей об умерших в книгах XIX – начала XX в., некоторые историки объединяют причины естественных смертей по следующим категориям: легочные, простудные, инфекционные, кишечные, и условные «болезни головы» («апоплексический удар», «мозговой удар», «мозговое воспаление») (Смирнова,

2022, с. 196), или так: инфекционные болезни (оспа, горячка, лихорадка, чихотка, корь), понос и «младенческая болезнь» и пр. (Антонова с соавт., 2024, с. 1345). В данной работе четко и, надо полагать, возможно, более верно диагностируемые заболевания (чихотка, холера, корь, скарлатина и др.) выделяются каждая в отдельную категорию, также, как и «водянка» и «золотуха», фиксировавшиеся по сходным признакам. Такие причины смерти, как «лихорадка» и «горячка» соединены ввиду невозможности отнести их к сколько-нибудь определенной болезни, как и комплекс заболеваний мозга – «нервическая лихорадка», «воспаление в мозгах», которые также могут иметь различные причины. Подобные неоднозначные термины не позволяют составить в подобных случаях более четкую картину причин смертности.

Таким образом, изучение смертности в женских институтах Российской империи первой половины XIX в. осложняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, неточность диагностики, когда повлекшие смерть заболевания описываются симптомами (лихорадка, горячка, водянка, сухотка, др.), во-вторых, неизбежные ошибки в диагнозе, отсутствие корреляции между медицинским выявлением причин смерти, производившимся доктором, на необходимость которого не раз указывалось в документах Мариинского ведомства, и тем заключением, которое записывал в метрическую книгу священник. Такие просчеты мы встречаем, к примеру, в записях о смерти в 1845 г.: в Екатерининском институте умерли две воспитанницы одного и того же класса, и причиной смерти в метрической книге названа «корь» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 683. Л. 687–689), а в то же время в личных делах этих девочек в архиве института отмечено, что одна из них умерла от «изнурительной лихорадки и нагноения в кишках» (РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 379. Л. 208), а другая – от воспаления легких (РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 379. Л. 229).

Упоминания о случаях смерти воспитанниц встречаются в дореволюционной историографии женских институтов (Черепнин, 1914а), в современной историографии дается также и оценка квалификации оказываемой институткам медицинской помощи (Мицюк, 2015), но эти изыскания носят отрывочный характер и основываются на единичных данных. Рассматриваемая в статье проблематика впервые стала предметом специального изучения в историографии.

Результаты и обсуждение

Уже в 1764 г., когда был учрежден первый русский женский институт, обязательной для воспитанниц стала прививка оспы. При поступлении в институт девицы должны были иметь «докторские свидетельства о здоровом сложении» (РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Кн. XVIII. Д. 50). Сверх того, девиц, допущенных к жеребьевке на казеннокоштные (бесплатные) вакансии, в обязательном порядке осматривал доктор, о чем заранее давались объявления в газете (Прибавление ..., 1803). Законодательные ограничения на прием в институты не вполне здоровых детей были закреплены в Уставе женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии 1855 г.: «Девицы, имеющие физические или умственные недостатки, препятствующие успешному учению, равно одержимые хроническими болезнями, не должны быть принимаемы; те же, кои подверглись прилипчивой болезни, не иначе могут поступить, как по совершенном выздоровлении» (Устав ..., 1884, с. 22). Чрезвычайно болезненных девочек могли возвращать домой, если была такая возможность, насовсем или же до выздоровления (Устав ..., 1884, с. 41).

В русские женские институты принимали девочек из разных социальных слоев. Наиболее привилегированными являлись Воспитательное общество благородных девиц и Екатерининский институт, тогда как в Павловском (бывшее Девичье училище Военно-сиротского дома) и Александровском (бывшее Мещанское училище) институтах училось немало детей из необеспеченных («недостаточных») семей, среди которых, надо полагать, встречалось более значительное число девочек с ослабленным здоровьем. При этом попечение о больных было чрезвычайно заботливым во всех столичных институтах, – за этим был строгий присмотр свыше. Императрице Марии Федоровне, под попечением которой институты находились, непременно докладывали о каждом случае серьезной болезни, а тем более смерти воспитанниц. Правилom было привлечение при необходимости специалистов: «для серьезно больных в мое время тоже приезжал придворный доктор г. Рюль», – вспоминала питомица Мариинского института Е. Владимировская (ЦГИА СПб. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 3). Известно, что в тяжелых случаях приглашали лейб-медика Н.Ф. Арендта, который устраивал консилиумы с

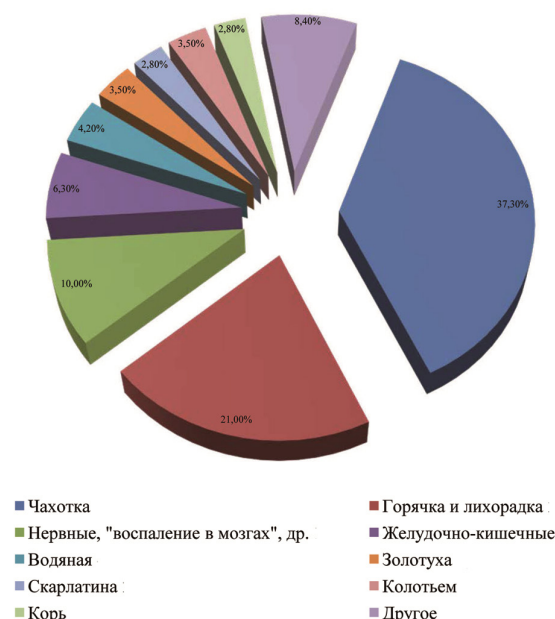

Рисунок 1. Причины смерти воспитанниц Воспитательного общества благородных девиц в 1810–1855 гг.

Figure 1. Causes of death of pupils of the Educational Society for Noble Maidens, 1810–1855

такими известными врачами, как например, Н.И. Пирогов и Э.И. Рейнгольдт (РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 379. Л. 217).

Наибольшее число жизней воспитанниц в петербургских институтах уносила *чахотка* (туберкулез) – почти 30% смертей в Екатерининском институте, 37,3% в Воспитательном обществе благородных девиц, 36,5% в Александровском и 46% в Павловском институтах (рис. 1-4). В народе под чахоткой понимали «изнурительную, смертельную болезнь, обычно с порчею легких», сопровождаемую кашлем (Даль 1912d, с. 1291). Хотя, согласно институтским правилам, докторский осмотр при поступлении новеньких должен был отсеивать нездоровых, прослеживаются случаи приема в число воспитанниц девочек, болезнь которых зашла уже довольно далеко, в связи с чем встает вопрос о качестве диагностики. Так, девицы Анна Шульгина и Софья Майкова были приняты в Екатерининский институт летом 1818 г. (Прибавление ..., 1818), а уже очень скоро, в сентябре, была зафиксирована смерть обеих от чахотки (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 188. Л. 74).

Рисунок 2. Причины смерти воспитанниц Александровского (до 1842 г. Мещанского училища) института в 1810–1855 годах
Figure 2. Causes of death of pupils of the Alexander institute, 1810–1855

Значительным было число смертей от «горячки» и «лихорадки»: 24,3% в Екатерининском институте, 21% в Воспитательном обществе, 14% в Александровском, 24,6% в Павловском институтах. Как указывает В.И. Даль, «у нас неясно различают слова горячка и лихорадка: обычно лихорадкой зовут небольшую и недлительную горячку, а более перемежную, а горячкой – длительную и опасную, напр., нервную, желчную, гнилую и пр.», причем горячку сопровождают «жар, частое дыхание и бой сердца» (Даль 1912а, с. 950). Горячка и лихорадка могли быть вызваны самыми разными причинами, в том числе простудными заболеваниями. В петербургских институтах, в отличие от губернских, учились девочки из самых разных губерний, в том числе южных. Как писал историк старейшего из столичных институтов, «для многих воспитанниц поступление в Смольный соединено с переменой климата, более теплого, сухого и здорового на сырой и непостоянный петербургский» (Черепнин, 1914б, с. 583). В 1833 г. в Павловском институте отмечается сразу пять случаев смерти от «изнурительной лихорадки», что за-

ставляет заподозрить единую инфекцию, либо чахотку.

Довольно значительным в институтах было количество смертей, вызванных комплексом заболеваний, куда входят «воспаление мозгов» или «воспаление в мозгах», «нервическая» или «нервная лихорадка», «головная водяная болезнь», «водяная в голове» – 10% в Воспитательном обществе благородных девиц и 10,7% в Павловском, 8,2% в Александровском и 16,5% в Екатерининском институтах. Причиной «воспаления мозга», «воспаления в мозгах» могли быть энцефалит или менингит, однако неопределенность терминов, в том числе такого, как «нервическая лихорадка», могли подразумевать спутанность сознания, результат эмоциональной травмы.

Историк женского образования смолянка Е.И. Лихачева (1836–1904) писала: «Только одного рода болезней императрица (Мария Федоровна) не допускала у воспитанниц и относилась к таким болезням даже строго: это болезнь нервами». Мария Федоровна в письме одной из начальниц женских институтов настаивала, что «молодая девушка не должна страдать нервами, болезнью, которая не допускается ни в одном из здешних институтов, где поэтому ее и не бывает» (Лихачева, 1899, с. 144–145). Можно ли считать совпадением, что первые смерти от «нервической лихорадки» отмечаются в Воспитательном обществе благородных девиц и Екатерининском институте с 1828 г., года кончины самой императрицы Марии Федоровны, а до этой даты в качестве причин смерти фиксировались лишь «воспаление мозга» или «головная водяная болезнь»? Лихачева, вспоминая собственные институтские годы в Воспитательном обществе, свидетельствовала, что «тоска по дому, по своим... это весьма естественное и понятное чувство и было часто причиной "болезни нервами" институток. Бывали даже смерти между ними от тоски по родному дому» (Лихачева, 1899, с. 145).

Член Главного Совета женских учебных заведений Н.М. Лонгинов, возражая против принятия новой учебной таблицы 1846 г., считал, что «значительное увеличение учебных часов может грозить для воспитанниц умственным переутомлением», и приводил в пример «смерть воспитанницы П. в Тамбовском институте от параличу в мозгу, как полагать должно, от излишнего умственного напряжения, от которого прилежную воспитанницу едва ли воздержат можно» (Бардовский, 1913, с. 80).

Случаи смертей, вызванных «падучей» (эпилепсией), были отмечены только в одном из институтов – Александровском, «мещанской» половине Смольного, которые произошли в 1849 и 1850 гг. Видимо, так же следует трактовать запись о смерти воспитанницы от «судорожной», что произошло в том же институте в 1824 г. Между тем, «одержимых падучей» в институты не принимать не дозволялось.

Смертность от *желудочно-кишечных* заболеваний составляла в Воспитательном обществе благородных девиц 6,3%, в Екатерининском около 6% и в Александровском институте 9,4%. К заболеваниям этого порядка относятся заключения, сформулированные священниками как «*желудочная лихорадка*», воспаления «*в желудке*», «*в животе*» или «*в кишках*», а также «*нутряным запором*», «*колотьем*», а также, надо полагать, и «*холерина*» (болезнь, симптомы которой напоминают ослабленное течение холеры). Чаще других встречался диагноз «*лихорадка*» и «*воспаление*» в желудке или кишках. Так, в случае смерти сестры поэта Афанасия Фета Анны Шеншиной в Воспитательном обществе в 1844 г. священник зафиксировал ее причиной «*желудочную лихорадку*» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 670. Л. 123 об.), а её симптомы были описаны в биографическом очерке поэта: девочка умерла после двухдневного пребывания в лазарете, куда ее поместили из-за «*внезапной жестокой боли в желудке и судорог*» (Фет, 2021, с. 197).

Смерть «*колотьем*», «*от колотья*» (всего 7 случаев) обыкновенно диагностировалась преимущественно у малолетних детей – именно это заключение сопровождает в российских метрических книгах подавляющее большинство записей о смерти детей до трех лет. Причиной этой болезни, сопровождавшейся «*чувством, будто колет иглами, особенно при воспаленьях черев и легких, и оболочек их; колика, резь*» (Даль, 1912b, с. 359), как правило, было нарушение гигиены питания детей. При том, что в институтах обыкновенно соблюдалась сугубая чистота, стол там до 70-х гг. XIX в. был довольно плох и скуден, особенно в дни поста: в воспоминаниях институток нередко встречаются сетования на голод, на невкусную однообразную пищу, тем более что научного подхода к детскому питанию еще не существовало (Пономарева, 2016). Видимо, с режимом питания были связаны два установленных случая смерти в институтах от *цинги*: это умершие «*цынготною*» в 1814 г.

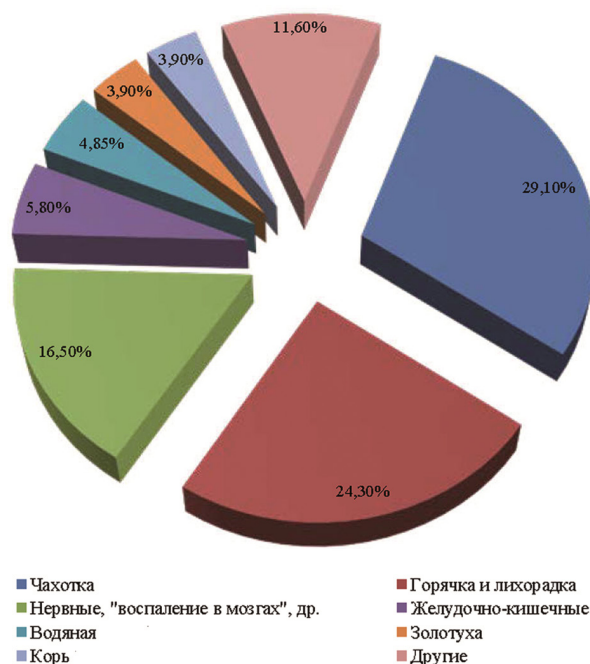

Рисунок 3. Причины смерти воспитанниц Екатерининского института в 1810–1855 годах

Figure 3. Causes of death of pupils of the Catherine Institute, 1810-1855

15-летняя воспитанница Екатерининского института и «*от скорбутного кровотечения*» в 1850 г. 14-летняя питомица Воспитательного общества благородных девиц («*скорбутный*» – от *scorbutus*, цинга).

Не обошли институты эпидемии *холеры*, вспышки которой отмечались в столице в 1829–1833 и 1847–1850-е гг. Несмотря на немедленно установленный в институтах строгий карантин, в 1831 г. зафиксированы два случая смерти от холеры, в 1848 г. – один случай холеры и еще две смерти от «*воспаления в кишках*» девочек одного и того же класса, что заставляет заподозрить виновницей ту же холеру; в 1854 г. – одна смерть от холеры и две – от «*воспаления в кишках*».

Историограф Смольного института зафиксировал, что в 1848 г., когда в Петербурге «*свиристствовала холера*, она появилась и в Смольном. Благодаря энергичным мерам и чрезвычайной осторожности в еде, среди воспитанниц было лишь два случая холеры – из них один окончился смертью. Смольный пережил тревожное время» (Черепнин, 1914b, с. 127). О принятых

мерах в условиях эпидемии 1848 г. вспоминала современница-смолянка: «По распоряжению начальницы экзамены тотчас прекратили, за обедом стали давать суп и говядину, за ужином тоже мясное кушанье, на столе появились графины с водой, подкрашенные красным вином», дважды в неделю императрице отправлялись рапорты о здоровье воспитанниц (Гиргас, 1895, с. 6–37).

Немалое число смертных случаев было вызвано «золотухой» – «болезнью худосочия, в которой особенно болеют железы» (Даль, 1912а, с. 1725): 7% в Александровском и 3,9% в Екатерининском институтах, 3,5% в Воспитательном обществе благородных девиц. Примечательно, что в «мещанском» Александровском институте, где учились дети разных городских слоев, от золотухи умирали чуть не в два раза чаще, чем в остальных двух привилегированных институтах. Всякая сыпь на теле у ребенка «слыла в народе под именем золотухи», к которой относили почти все кожные болезни: всевозможные сыпи, язвы, течь из ушей, наружные болезни глаз и т.п., потому в этот же разряд мы включаем случаи смертей институток «от раны на голове с костоедою», «от нарыва на голове», «костоедною изнурительною» и т.п. Золотуха чаще поражала детей из бедных семей, росших в антисанитарных бытовых условиях, и при осмотре детей (в том числе из дворянского сословия) перед приемом в институты врачи довольно часто отмечали страдающих золотухой, их «золотушное телосложение» и т.п.

Одной из постоянных причин смерти в институтах была «водяная», «водяная болезнь»: около 5% в Екатерининском и 5,8% в Александровском институтах, 4,2% в Воспитательном обществе благородных девиц. «Водянка», «накопление водянистой жидкости в различных частях тела» (Даль, 1912а, с. 538), являлась, по определению историков медицины, симптомом, «возникающим при целом ряде различных заболеваний», что было связано с отеками печени, почек, сердца и т.д. (Сточик, Затравкин, 2012, с. 187).

В раздел «другие заболевания» включены случаи смертей, вызванных редко встречающимися причинами или же в тех единичных случаях, когда причина вовсе не была указана. Среди редких случаев заболеваний, вызвавших смерть, встречаются уже упоминавшиеся цинга и холера, «сухотка» – «болезнь истощения пи-

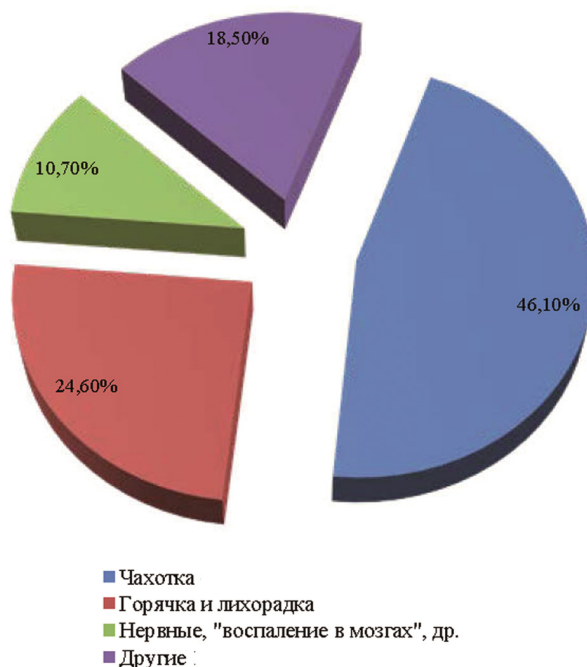

Рисунок 4. Причины смерти воспитанниц Павловского института в 1814–1855 гг.
Figure 4. Causes of death of pupils of the Pavlovsky Institute, 1810-1855

тания, или болезненная худоба, болезненное изнурение» (Даль, 1912d с. 654), жаба (стенокардия), «переполненная жаба», «удар в легком», простуда, столбняк, «воспаление сердца», «от завалу», «апоплексическим ударом», «параличом», «родимцом», «от общих судорог со рвотой», «опухолью», «от воспаления в гортани», «воспаление спинного мозга», «тифозная скарлатина», а также один случай столбняка.

Диагноз «от завалу», «внутренним завалом», «завалом брюшным» (4 случая, обе половины Смольного института) толкуется в словаре В.И. Даля как засорение «в сосудах живого тела, с опухолью и отвердением желез или других внутренностей» (Даль, 1912а, с. 1392). Возможно, под термином «завал» могли подразумеваться скарлатина, дифтерит и свинка. Диагноз смерти «родимцом» во всех российских метрических книгах – обычная, часто встречающаяся причина смерти детей до 1 года. По Далю, «родимец», «родимчик» – «падучая младенцев, или, вернее, воспаление мозга с корчами», «пострел, паралич» (Даль, 1912с, с. 1698). Согласно запи-

си в метрической книге, неизвестным образом эта причина вызвала смерть подростков 10, 11 и 15 лет в обеих половинах Смольного института (1812, 1813, 1831, 1849 г.). Не является ли этот термин эвфемизмом падучей, случаи которой отмечались, как указывалось выше, в Александровском училище? В других институтах такая причина смерти воспитанниц не встречается.

Уникальный для институтов случай смерти от оспы зарегистрирован в 1813 г. в Екатерининском институте (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 172. Л. 424 об.), при том, что непреложным условием зачисления в институт была прививка от оспы, о чем предъявлялось, наряду с метрикой, письменное свидетельство производившего прививку доктора.

От *скарлатины* («*скорлотином*», «*от скорлотины*») в Смольном институте умерли четыре (в 1839, 1840, 1843 гг.), в Павловском – две (в 1851 г.), в Мариинском одна воспитанница (в 1851 г.); в Екатерининском институте таких случаев не выявлено. Летальность этого заболевания была высокой даже в начале XX в., достигая 25% (Соколова, 2017, с. 738). От «*воспаления легких*» за рассматриваемый период также умерло несколько институток: в 1833 и 1834 г. в Павловском, в 1841 г. в Екатерининском, в 1845 и 1855 г. в Мариинском институтах (хотя в историографии ошибочно утверждается, что термин «воспаление легких», как калька с немецкого, появляется у нас лишь в 60-х гг. XIX в. (Белькова, 2010, с. 76)).

Номенклатура смертельных болезней в метрической книге церкви Павловского института, куда принимали преимущественно дочерей военных чиновников, обер-офицерских чинов, очень скупа, что бросается в глаза при сравнении с другими институтами: наиболее частой причиной смерти здесь записывали *чахотку* и «*изнурительную лихорадку*». Среди единичных случаев зафиксированы «*костоеда изнурительная*» (остеомиелит), «*сухотка*», «*разморение боевой жилы*», *скарлатина*, *корь*, *понос*, *воспаление легких*.

Особое положение среди других столичных институтов занимал Мариинский, метрические книги которого сохранились фрагментарно. Согласно завещанию императрицы Марии Федоровны, некогда основавшей его на собственный кошт, он не входил до второй половины XIX в. в Ведомство учреждений императрицы Марии, а подчинялся непосредственно великой княгине

Елене Павловне, которая лично, причем весьма усердно, занималась его делами. Как вспоминали мариинки, великая княгиня (немка по происхождению) заботилась о хорошем питании своих подопечных, она говорила: «я хочу, чтобы дети были «белая и толстая» (собственные слова и произношение великой княгини)», и в институте самое серьезное внимание уделялось медицинской части («санитарное учреждение поставлено было прекрасно» (ЦГИА СПб. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 10, 51 об.)). Примечательно, что настоятель церкви Мариинского института, фиксируя в книге факт смерти воспитанниц, не раз в определении ее причины прямо ссылаясь на авторитет доктора: «по свидетельству местного врача», «по свидетельству местного доктора Экке» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 695. Л. 52 об.; Д. 730. Л. 775 об. Владимир Егорович Экк, доктор медицины, профессор Петербургской Медико-хирургической Академии, врач при лазарете Мариинского института в 1845–1863 гг.). Это единственные встреченные нами примеры среди других петербургских институтов (и встречалось ли подобное в метрических книгах других приходов того же времени?).

Подсчитать уровень смертности в институтах в процентах (относительные данные) на данном этапе исследования представляется невозможным, поскольку источники приводят отрывочные и нередко противоречивые данные о количестве воспитанниц, причем наибольшее их число насчитывалось в Воспитательном обществе благородных девиц. Приведем данные по одному из источников для 1853 г. – 450 в Воспитательном обществе, в Александровском институте – 300, в Екатерининском – 340, в Павловском – 240 воспитанниц (Обозрение ..., 1854, с. 129-130). Примечательно, что по субъективным впечатлениям самих институток, случаи смерти в их среде были довольно редкими («умирали у нас воспитанницы редко» (Соколова, 1901, с. 69; Лухманова, 1903, с. 136)).

От года к году уровень смертности в институтах менялся. При этом в годы наивысших пиков смертности, по всей видимости, не отмечается эпидемий или сколько-нибудь широкого распространения инфекционных заболеваний. Только в 1818 г., когда в Воспитательном обществе умерло сразу восемь девочек, причиной смерти двух из них названа чахотка, и еще трое умерли от горячки и лихорадки, что, возможно, также указывает на ту же чахотку. В 1827 г.

умерло шесть воспитанниц, двое из них от чахотки, и еще двое – от «воспаления мозга», одна от лихорадки, и еще одна – «от ран» (золотушных); в 1841 г. – пять: от горячки и лихорадки двое, от чахотки, «воспаления в мозгу» и воспаления в горле – по одной; в 1849 г. – пять: двое от кори от нервной горячки, воспаления в голове, сухотки – по одной. Возможно, вспышек эпидемий удавалось избегать благодаря сравнительно правильной организации карантина и тщательному уходу за больными.

Однако в 1855 г. в Смольном институте произошел небывалый всплеск заболеваемости и высокой смертности воспитанниц – с 1 января по 22 апреля 1855 г. болело 707 девочек, из них «трудно больных» насчитывалось 40, всего же умерло 14. При этом «преобладающие болезни были простудные и желудочно-простудные лихорадки, за этим последовали сыпные болезни, как-то: корь, скарлатина, краснушка, ветряная оспа, рожа и, наконец, тифозная горячка, воспаление и глазные болезни» (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6767. Л. 1–3). В метрической книге за 1855 год зафиксировано не 14, а 13 смертей смолянок (9 – воспитанниц Александровского института, 4 – Воспитательного общества). Примечательно, что все они вызваны разными причинами (2 случая нервной горячки, 2 «воспаления в животе», а также: «паралич легких», корь, «костоеда», холерина, медленная лихорадка, воспаление легких, «тифозная скарлатина», «тифозная горячка», чахотка), то есть, скачок смертности, возможно, был вызван не какой-то одной единой инфекцией. Свыше немедленно поступило распоряжение подробно изучить «способ лечение больных... и меры ухода за ними» (ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 246. Л. 54 об.).

К такому нежданному росту болезней институт оказался не готов: лечение «затруднялось недостаточным числом врачей». Авторитетное медицинское заключение о положении больных гласило, что «у многих из них оказались признаки бледной немочи, непонятная слабость и несвойственная их возрасту вялость в отправлениях, что всего более поражает в заведении, где лазаретные палаты обширны и светлы, местоположение же всего здания одно из лучших в столице, на возвышенном сухом месте, среди прекрасного сада, у самого берега Невы. При столь выгодных условиях помещения неблагоприятное состояние здоровья... происходит единственно от употребления пищи недовольно

питательной и не соответствующей правилам диеты равно от слишком строгого соблюдения постов. Бледная немочь, сопровождаемая малокровием, здесь явно зависит от уменьшенного кровотока во время развития организма, которое располагает воспитанниц к заболеванию и к восприятию господствующих эпидемических болезней, самое лечение коих делается от того труднее», к тому же чрезмерная продолжительность учебных занятий затрудняла возможность тщательно проветривать помещения, и сокращала время прогулок (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6767. Л. 4–5), – то есть, рост заболеваемости медики объясняли пониженным иммунитетом девиц, связывая его, прежде всего, с неправильным питанием. Ими были разработаны рекомендации по преодолению этих недостатков, начался пересмотр институтского меню, а также распорядка дня, режима проведения прогулок и физических упражнений. В результате в 1860-х гг. в Смольном институте уже «часто не бывало ни одного смертного случая в год» (Черепнин, 1914b, с. 131). В метрических книгах появляется более точная диагностика, такие термины, как «легочный туберкулез», «корь с крупозным воспалением дыхательных путей» и др.

Выводы

Высокий уровень детской смертности оставался неразрешенной проблемой на протяжении всей истории Российской империи. Однако женские институты, пользуясь непосредственным и постоянным попечением императорской семьи, находились в привилегированном положении. Уже при основании старейшего Смольного института в 1764 г. были продуманы меры для сохранения здоровья детей (обязательное оспопрививание, наличие аптеки и постоянного врача, регулярные медицинские осмотры, четкий распорядок дня, строгое соблюдение гигиенических норм). И в дальнейшем, с развитием науки, здесь оперативно внедрялись новейшие практики, для лечения детей привлекались ведущие доктора разных специальностей. По субъективной оценке современников, смерть в институтах была довольно редкой гостьей. Данные метрических книг позволяют вывести довольно точное число смертей институток до середины XIX в., однако сравнительный анализ затруднен, поскольку численность воспитанниц в источниках оценивается по-разному. Кроме того, для большей

полноты картины необходимо привлечение данных метрических книг неправославных конфессий, поскольку среди подданных Российской империи было немало христиан неправославных конфессий (лютеран и католиков), дети которых также учились в женских институтах. Комплексное же понимание уровня смертности в институтах требует использования соответствующего сравнительного материала, обобщенных данных об общей смертности подростков в Российской империи до середины XIX в., появление которых – дело будущего.

Список литературы

- Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги XVIII – начала XX в. М.: изд-во РГГУ. 2006. 384 с.
- Антонова А.Е., Уланова А.В., Зарипова Т.В. Причины смерти населения дореволюционной России в XIX–XX вв. на примере Пермской губернии // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. Екатеринбург, 2024. С. 1344–1348.
- Бардовский А.Ф. Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 гг. СПб.: изд. Т-ва Е. Вейерман и Ко. 1913. 287 с.
- Белькова А.Е. Название болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX в. Тюменского духовного правления // Вестник Сургутского гос. пед. ун. 2010. № 2 (9). С. 72–79.
- Бессер Л., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 гг. // Записки имп. Академии наук. 1897. I. (5). С. 34–59.
- Гиргас Л.Ф. Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев, тип. ун-та св. Владимира. 1895. 71 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1а. СПб.: тип. т-ва Вольф. 1912а. 872 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб.: издание т-ва М.О. Вольф. 1912b. 1015 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. СПб.: издание т-ва М.О. Вольф. 1912с. 891 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. СПб.: издание т-ва М.О. Вольф. 1912d. 810 с.
- Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань: тип. имп. ун-та. 1881. 807 с.
- Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. 1086–1856. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 1899. 887 с.
- Лухманова Н.А. Двадцать лет назад (из институтской жизни). М.: изд. кн. скл. Д.П. Ефимова. 1903.
- Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 8–47.
- Мицюк Н.А. Опыт борьбы с детской смертностью в первой половине XIX в. // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 3. С. 31–37.

Никитенко В.П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 гг. СПб.: т-во худож. печати. 1901. 265 с.

Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. СПб.: тип. Опекунского совета. 1854. 135 с.

Пономарева В.В. Как в «институтах благородных девиц» решали проблему «пищевого довольствия» (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 3. С. 125–134.

Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1803. № 56.

Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1818. № 50.

Смирнова С.С. Смертность в Олонецкой губ. в XIX – начале XX вв.: К вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2022. № 30. С. 196–199.

Соколова А. Из воспоминаний смолянки // Вестник всемирной истории. 1901. № 5. С. 42–70.

Соколова А.А. Детские болезни в Российской империи // Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины. Волгоград. 2017. 740 с.

Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв. М.: Академический проект. 2020. 374 с.

Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций 17–19 веков. М.: Шико. 2012. 128 с.

Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии, высочайше утв. 30 августа 1855 г. СПб.: типо-литография К. Штремера. 1884. 319 с.

Фет А.А. Материалы и исследования. М.: Росток. 2021. 669 с.

Черепнин Н.В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. 1764–1914а. Т. I. СПб.: Государственная тип. 1914а. 630 с.

Черепнин Н.В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Пг.: Гос. тип. 1914b. Т. II. 670 с.

References

- Addendum to the St. Petersburg Gazette. 1803, 56. (In Russ.).
- Addendum to the St. Petersburg Gazette. 1818, 50. (In Russ.).
- Antonov D.N., Antonova I.A. Metrical Books of Russia of the 18th – Early 20th Centuries. Moscow, Ros. gos. umanit. Un-t Publ., 2006. 385 p. (In Russ.).
- Antonova A.E., Ulanova A.V., Zaripova T.V. Reasons of death of the population of prerevolutionary Russia in the 19th-20th centuries on the example of Perm province. In Topical issues of modern medical science and healthcare: Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students. Yekaterinburg, Ural State Medical University Publ., 2024, pp. 1344–1348. (In Russ.).
- Bardovskij A.F. Patriotic Institute. Historical sketch for 100 years. 1813-1913. St. Petersburg, E. Vejerman i Ko Typ. Publ., 1913. 287 p. (In Russ.).

Bel'kova A. N. Names of diseases and their symptoms in the register first half of the XIX century, Tyumen spiritual board. Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2010, 2, pp. 72–79 pp. (In Russ.).

Besser L., Ballod K. Mortality, age composition and longevity of the Orthodox population of both sexes in Russia for 1851–1890. In Notes of the Imperial Academy of Sciences. 1897, I, (5), pp. 34–59. (In Russ.).

Charter of Women's Educational Institutions of the Empress Maria's departmental establishments, approved by the Emperor on August 30, 1855. St. Petersburg: tipolit. K. Shtremera Publ., 1884. 319 p. (In Russ.).

Cherepnin N.V. The Imperial Educational Society for Noble Madens. Petrograd, Gosudarstvennaya Typ. Publ., 1914a, I, 650 p. (In Russ.).

Cherepnin N.V. The Imperial Educational Society for Noble Madens. Petrograd, Gosudarstvennaya Typ. Publ., 1914b, II, 670 p. (In Russ.).

Dal' V. Vladimir Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. St. Petersburg.: tip. t-va Vol'f Publ., 1912a, I, 872 p. (In Russ.).

Dal' V. Vladimir Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. St. Petersburg, tip. t-va Vol'f Publ., 1912b, II, 1015 p. (In Russ.).

Dal' V. Vladimir Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. St. Petersburg.: tip. t-va Vol'f Publ., 1912c, III, 891 p. (In Russ.).

Dal' V. Vladimir Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. St. Petersburg.: tip. t-va Vol'f Publ., 1912d, IV, 810 p. (In Russ.).

Empress Maria's departmental establishments review for 25 Years from 1828 to 1853. St. Petersburg: tip. Opekninskogo soveta Publ., 1854. 135 p. (In Russ.).

Fet A.A. Materials and research. Moscow, Rostok Publ., 2021. 669 p. (In Russ.).

Girgas L.F. Stateswoman Mariya Pavlovna Leontjeva. Kiev, St. Vladimir Univ. Publ., 1895. 71 p. (In Russ.).

Likhacheva E.O. Data for the History of Female Education in Russia. St. Petersburg, M.M. Stasyulevicha typ. Publ., 1899, 887 p. (In Russ.).

Lukhmanova N.A. Twenty years ago (from college life). Moscow, kn. skl. D.P. Efimova Publ., 1903. 334 p. (In Russ.).

Micyuk N.A. The experience of combating child mortality in the first half of the 19th century. Smolensk Medical Almanac, 2015, 3, pp. 31–37. (In Russ.).

Mironov B.N. Materials of church parish population registration as a historical and demographic source. In Confessional and Metric Accounting in Imperial Russia. Barnaul, Altaiskiy gosudarstvennyy un. Publ., 2007, pp. 8–47. (In Russ.).

Nikitenko V.P. Infant mortality in European Russia in 1893–1896. St. Petersburg: t-vo hudozh. pechati, 1901. 265 p. (In Russ.).

Ponomareva V.V. How did «Institutes of noble maidens» solved the problem «food allowance» (second half of XIX – beginning of XX c.). Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya, 2016, 3, pp. 125–134. (In Russ.).

Smirnova S.S. Mortality in 19th – Early 20th Centuries Olonets Province: Death Causes Registration in Parish Books. Newsletter of the History and Computer Association. 2022, 30, pp. 196–199. (In Russ.).

Sokolova A. From the memoirs of smolyanka. Bulletin of World History. 1901, 5, pp. 42–70. (In Russ.).

Sokolova A.A. Childhood diseases in the Russian Empire. In Actual problems of experimental and clinical medicine. Volgograd, 2017. 740 p. (In Russ.).

Stepin V.S., Stochik A.M., Zatravkin S.N. History and Philosophy of Medicine. The Scientific Revolutions of the 17th – 19th Centuries. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2020. 374 p. (In Russ.).

Stochik A.M., Zatravkin S.N. The reform of practical medicine during the Scientific Revolutions of the 17th–19th Centuries. Moscow: Shiko Publ., 2012. 128 p. (In Russ.).

Znamenskij P.V. Theological schools in Russia before the reform of 1808. Kazan': tip. imp. un-ta Publ., 1881. 807 p. (In Russ.).

Информация об авторе/ Information about the author

Пономарева Варвара Витальевна, д.и.н.,
исторический факультет, Московский
государственный университет имени
М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
varvarapon@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1707-2281>

Ponomareva Varvara Vitalievna, D. Sci., Faculty of
History, Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation
varvarapon@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1707-2281>

Поступила в редакцию 31.07.2026.
Получена после доработки 16.08.2026.
Принята к публикации 16.08.2026.

Received 31.07.2026.
Revised 16.08.2026.
Accepted 16.08.2026.